

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Д67

Stephen R. Donaldson
THE WAR WITHIN
(The Great God's War)

Copyright © 2019 by Stephen R. Donaldson

Иллюстрация на переплете *Павла Трофимова*

Оформление серии *Андрея Саукова*

Дональдсон, Стивен.
Д67 Внутренняя война. Том 2 / Стивен Дональдсон ; [перевод с английского А. Ю. Аристов]. — Москва : Эксмо, 2020. — 416 с. — (Fantasy World. Лучшая современная фэнтези).

ISBN 978-5-04-107745-7

Второй том эпического фэнтези «Внутренняя война».

Прошло двадцать лет с тех пор, как принц Бифальт из Беллегера обнаружил Последнее Книгохранилище и спрятанные там колдовские знания. По приказу магистров хранилища и в обмен на восстановление магии в обоих королевствах Беллегер и Амика прекратили войну, которую вели из поколения в поколение. Их союз был скреплен браком Бифальта с Эстией, наследной принцессой Амики. Но перемирие — и их брак — было непростым.

Приближается страшная война, которой опасались король Бифальт и королева Этия. Древний враг обнаружил местонахождение Архива, и могучее Воинство темных сил собирается напасть на библиотеку и получить все магические знания, которые она охраняет. Враг уничтожит всех мужчин, женщин и детей на своем пути, все население Беллегера и Амики.

Когда их союз будет подорван старой враждой и угрозой заговора, потребуется вся сила и воля монархов, чтобы вдохновить королевства стать единым целым для защиты своей родины, или все будет потеряно...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-107745-7

© А. Аристов, перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава одиннадцатая

РАЗВОРОШИТЬ УЛЕЙ

Давным-давно Фламора и Амандис наставляли в Последнем Книгохранилище Элгарта. Служительницы Плоти и Духа готовили его, будто предвидя его будущее. Теперь он называл себя главой шпионов короля Бифальта. И занимался тем, что без устали шлифовал свои умения — и всегда ко всему относился с подозрением.

Обычно его обязанности заключались в том, чтобы следить за амиканцами, поселившимися в Отверстой Длани, — дело, которое он не кривя душой выполнял как для своего короля, так и для королевы-консорта, пусть и по разным причинам. Король Бифальт хотел знать, как ведут себя подданные его жены. Его жена хотела знать, как к ним относятся. При незначительных беспорядках или трудностях, например, в случае нечестных отношений между беллегерскими и амиканскими торговцами, он обычно отправлял для решения проблемы одного из состоящих у него на службе воинов. Подобные ситуации возникали повсюду: по их поводу не стоило беспокоить короля и королеву-консорта. Но когда Элгарт обнаруживал бандитов или убийц, агитаторов, целые банды, нападающие на слабых, или людей, чья скрытность предполагала

участие в заговоре, он тайно следил за ними и сообщал о том, что узнавал.

Чтобы шпионить в таком громадном городе, как Длань, Элгарт содержал разветвленную сеть информаторов, телохранителей, воинов и временных доносчиков — от девок-служанок и уволившихся со службы стрелков до уличных шарлатанов и представителей мелкой знати. Они работали постоянно: все время дня и ночи. И все же людей не хватало.

К счастью, Элгарту помогали служительницы Плоти. Все они были куртизанками в лучшем смысле этого слова: один их вид заставлял мужчин забыть о любой ссоре. Иногда они использовали в этих же целях свои тела. Но чаще исполняли музыку, обладающую почти колдовской способностью заставлять слышавших ее бросаться в пляс, или пели песни, выбивавшие слезы даже из глаз головорезов, или рассказывали завораживающие всех вокруг сказки. Они не забывали и подслушивать тайны, некоторыми из которых делились с Элгартом.

Так или иначе они делали намного больше, чем просто унимали волнения и предотвращали драки. Они помогали Элгарту выполнять самую тайную и, возможно, самую важную из его обязанностей: охранять ничем не примечательные дома, сараи, подвалы и склады, где были спрятаны пороховые бочки и ящики с пулями.

Хотя у него и не было никаких доказательств, Элгарт полагал, что действительной целью тех, кто замыслил расстроить союз двух королевств, было найти эти склады. Винтовки без пуль и пороха окажутся совершенно бесполезными. Беллегер без них не сможет защитить себя. Сами же винтовки, тысячи

винтовок, были заперты глубоко в Кулаке Беллегера, и добраться до них можно было бы только после осады. Солдаты генерала Кламата и гвардейцы принца Джаспида всегда находились в замке — но никто больше не мог туда проникнуть. Запасы пуль были более уязвимы.

Элгарт охранял их с особой тщательностью.

Главе шпионов нравились его обязанности. Они устраивали его пытливый и циничный характер. Ему нравилось раскрывать связи и выявлять тайные цели. Но самым большим для него удовольствием было отслеживать агентов и посланников канцлера, вернее, бывшего канцлера.

Постерн нанял себе несколько человек, и весьма искусных. Если они провоцировали драки или вызывали волнения, то всегда оставались на заднем плане. Если они передавали секреты или добивались поддержки, то всегда держались в тени. Никто из них не носил амиканской одежды. И лишь немногие из них были внешне похожи на амиканцев. Элгарту пришлось усердно потрудиться, чтобы раскрыть их, но он не мог быть уверен, что раскрыл их всех. Когда он не просто подозревал, а точно знал, что нашел шпиона, он не арестовывал его, а только называл королю Бифальту имя. Он позволял себе немного повеселиться: поручал своим подчиненным, тем, кто еще не набрался опыта, следить за ними. Он хотел, чтобы они заметили слежку. Это само по себе усложнит им жизнь. Кроме того, это укрепит их самоуверенность, их веру в то, что беллегерцы слишком тупы для шпионажа. В конце концов слуг Постерна можно было легко задержать, когда бы того ни пожелал король Бифальт.

Но король обычно желал ничего не предпринимать. Мудрое решение, как считал Элгарт. Король не хотел нарушить неустойчивое равновесие союза.

В целом Элгарт дорожил своим положением в Отверстой Длани. Выполняя эту работу, он мог оставаться честным. Если что-то срывалось — не беда, он исправлял ошибки. Благодаря Элгарту король Бифальт знал о состоянии своего королевства больше, чем мог бы предположить любой из тех, кто противостоял ему. Благодаря Элгарту король знал, кому можно доверять, а кому — нет.

Очевидным исключением, конечно же, был орден Великого бога Рия. Элгарт до сих пор не нашел способа проникнуть в тайны этих жрецов. Но он не забывал об их существовании. Их очередь приближалась. Они пришли в Беллегер через территорию Амики, и их учение было невероятно убедительным. Так или иначе, Элгарт намеревался узнать о них больше.

Но вдруг ситуация изменилась. Отверстая Длань замерла, в ней установилась непривычная тишина, если не считать случайных уличных драк. Агенты и посланники Постерна опустились на дно, словно обложенные охотниками звери. Сразу после признания канцлера на королевском общественном совете и отъезда королевы-консорты в Амику — полное затишье. Все равно что вытащить занозу из-под лошадиного седла. Зверь все еще раздражителен. Закатывает глаза, пятится. Но уже не брыкается, не пытается сбросить своего наездника. А со временем становится послушным.

Элгарту все это показалось очень подозрительным. Он сделал очевидные выводы, но не знал, что делать дальше. Он не мог самолично допросить Постерна.

И не думал, что пришло время начинать аресты американских шпионов, такую тактику подданные королевы-консорта могли в ее отсутствие легко истолковать неверно. Он уже помог Эстии, попросив служительницу Духа сопровождать ее. Кроме того, ее защищали воины капитана Раута, пока она ехала через Беллегер. В Амике королева возьмет своих гвардейцев. Также с ней была магистр Фасиль. О безопасности Эстии можно было не беспокоиться.

И Элгарт пытался разобраться в своих подозрениях.

Поскольку он был одновременно любопытным и настойчивым, он узнал, что к закату того же дня через несколько часов после признания Постерна Отверстую Длань покинули трое верховых, поскакавших, подгоняя лошадей, в направлении Амики. Интересная деталь, по мысли Элгарта, но не обязательно существенная. Этой спешке могло быть много возможных объяснений. Только следующим утром он узнал, что эти трое были американцами, но и тогда Элгарту было не более чем просто любопытно. Однако во второй половине дня он услышал, что один из этих троих был младшим сыном знатного американца, выступавшего против правления королевы Эстии. Элгарт заинтересовался еще больше. Задавая нужным людям правильные вопросы, он обнаружил, что те американцы провели день до своего отъезда, выпивая в пивной под названием «Осажденный орел».

По случайному или нет совпадению, «Осажденный орел» был любимой таверной принца Лоума. Принц проводил там иногда всю вторую половину дня и чуть ли не каждый вечер, заглушая свои обиды не самым лучшим элем и совсем уж отвратительным вином.

Бывает. Сам Элгарт, человек, разделенный надвое, понимал горечь принца. До краткого обучения у Фламоры и Амандис собственные противоречия Элгарта часто вызывали у него такое же чувство: он отпускал колкости в адрес товарищей и был резок в суждениях. Он знал, куда могут завести страдания, преследовавшие младшего сына короля Аббатора.

Кроме того, он знал, что принц Лоум хотел, чтобы архижрец великого бога Рилиа Мах был включен в тайный совет короля Бифальта. С этим фактом не было никакой очевидной связи. И среди шпионов и посланников, опознанных Элгартом, не числился ни один из трех заинтересовавших его амиканцев. Впрочем, Элгарт никогда не колебался, если требовалось поторопиться с выводами.

Он сообщил королю Бифальту, что *кто-то неизвестный* в Амике вдруг заинтересовался падением канцлера Постерна и, возможно, реакцией на это королевы-консорта. Но ничего большего, к своему сожалению, Элгарт не мог сказать. Он решил повременить и подождать возвращения генерала Кламата или каких-то шагов со стороны короля Бифальта. А тем временем сосредоточиться на других задачах, пока один из его помощников не упомянул, что у «Осажденного орла» был не один необычный завсегдатай. Некий жрец ордена тоже любил пропустить стаканчик-другой дрянного вина в грязной таверне.

Криво усмехнувшись — полуулыбнувшись и полускривившись, — Элгарт решил, что пришло время узнать больше об ордене и его великом боге. Он хотел встретиться с архижрецом. У Элгарта было к нему несколько вопросов.

Но на встречу он пошел не один. И там магистр Фасиль дала ему понять, что что-то здесь нечисто. Бронзовый крест со статуей обнаженного мужчины, стоящего за ним, тоже послужил предупреждением. Но что было делать, если его личные охранники, Флакс и Хауэл, как и сам Элгарт, не обладали ни малейшим даром к магии? А магистра Фасиль он уже не мог попросить составить ему компанию, и тогда Элгарт решил пригласить магистра Пильона.

* * *

Дар Пильона был Казнью Землетрясения. По приказу короля он и его многочисленная семья жили в скромном доме неподалеку от стен Кулака Беллегера. Фактически король Бифальт подарил всем теургам Землетрясения Беллегера — всем трем — по дому возле укреплений Кулака. Он держал их неподалеку, чтобы они могли защитить стены, если его крепости когда-либо будут угрожать теурги, подобные им. Но после двадцати лет мира война, которой он боялся, стала для большинства его подданных не больше чем плодом королевской фантазии. И лишь немногие беллегерцы верили в то, что Кулак — или Отверстая Длань — когда-либо подвергнется нападению.

Магистр Пильон уж точно не верил. Это был маленький, скромный человек со скудным воображением и без видимых амбиций, за исключением своей несчастной любви к садоводству: несчастной, потому что большинство его овощей, трав и цветов регулярно погибали. Но Элгарту он нравился, отчасти потому, что, в отличие от многих других магистров, он позволял себе быть обходительным. Действитель-

но, только его грифельно-серое одеяние и выдавало в нем теурга. А вот чувства превосходства, чувства собственной важности у него, в отличие от большинства других заклинателей, не было. Обычно теурги никогда не забывали о том, на что были способны. Напротив, Пильон, казалось, забыл тот факт, что он может мыслью расколоть землю и отшвырнуть ее в сторону. Он любил свой сад и свою семью и не понимал, почему король Бифальт считает его важной персоной.

Элгарт был знаком с этим человеком много лет, прежде чем понял, что магистр Пильон гораздо больше интересовался своей Казнью, чем казалось. Его разоблачила страсть к садоводству. Элгарт не раз подмечал радость на лице Пильона, когда тот прорезал борозды и водоотводы, даже не притронувшись к лопате, или когда выгребал грязь из канав, даже не запачкавшись.

Детей у магистра было больше, чем Элгарт удосужился сосчитать, а его жена была вдвое крупнее обычной женщины и выглядела так, словно могла отбить нападение банды головорезов или перекричать раскат грома. Но она управляла своим выводком с неизменной любовью, никого не выделяя и не обделяя, а к своему мужу относилась так, будто он был сделан из хрупкого фарфора. Хрупкого и драгоценного. Элгарт никогда не слышал, чтобы она повышала голос, может быть, только когда звала Пильона из сада.

Магистр присоединился к Элгарту охотно, с обычной для него непритязательной улыбкой. В течение многих лет шпион со шрамом встречался с ним примерно один раз в сезон, в тех редких случаях, когда не был в настроении шпионить, и достаточно часто, чтобы дружба с ним стала привычной для Пильо-

на, но не слишком часто, чтобы нарушить избранный магистром стиль жизни. Они обычно выходили из дома вечером, когда многочисленный выводок садовода-заклинателя был уже накормлен ужином, и шли в уединенную пивную выпить кружки по две или три и поговорить о самых несущественных предметах, которые в тот момент приходили им в головы. По большей части магистр Пильон рассказывал о садоводстве и о своих детях. Элгарт ценил проведенные с ним часы за то, что они позволяли ему отдохнуть от подозрений и любопытства.

Очевидно, Пильон предполагал, что и этот раз не будет отличаться от всех остальных. Отвлеченный размышлениями, он, казалось, не замечал даже времени суток, пока путь, которым его вел Элгарт, не отклонился от их обычного маршрута. Тогда он поднял голову, огляделся вокруг и удивился:

— Сейчас полдень, Элгарт. Что мы делаем?

Элгарт ответил, улыбаясь своей двойной улыбкой.

— Ты, магистр, хороший друг. И я полагаюсь на твою щедрость.

Брови маленького человека нахмурились, будто он задавался вопросом, должен ли он забеспокоиться.

— А для чего она тебе сдалась?

— Ответ прост, мой друг, — сказал Элгарт, — все дело в том, что мне понадобился свидетель. — Он говорил об этом тем же тоном, как и обо всем, что они с Пильоном обычно обсуждали. — Я хочу, чтобы ты сопровождал меня, смотрел, слушал и ничего не говорил. Я только не хочу говорить тебе почему. — Он широко улыбнулся. — Нам может помешать наша дружба. Узнав мои мысли, ты будешь склонен выдать их за свои. Но когда все закончится, я захочу услы-

шать именно твой взгляд, а не отражение моего. Тогда я и объяснюсь.

Магистр Пильон, бегло улыбнувшись, кивнул, как кивает тот, кто не страдает любопытством. Но тут вдруг его лицо исказила гримаса ужаса, он уставился на Элгарта и спросил:

— А ты, случаем, не ведешь меня к королю?

— Конечно же, нет! — заверил его Элгарт. — Даже *моя* наглость имеет пределы. Если бы король Бифальг вызвал тебя, у тебя было бы время подготовиться. И ты бы говорил, а не молчал. Я прошу тебя стать свидетелем, чтобы удовлетворить мое любопытство, не более того.

— Вот и ладно, — заклинатель расслабился. — Если это все. Мы же друзья. Я могу довериться другу на несколько часов.

Элгарт похлопал его по плечу.

— Конечно, можешь.

В это мгновение шпион презирал себя. Он вел себя как магистр Марроу, архивариус Последнего Книгохранилища, он использовал невинного человека, не объяснившись с ним и не получив его согласия — уже после объяснения.

Но он быстро уверил себя в том, что искренне желает узнать бесстрастное суждение Пильона. И не может представить, что этот поход как-то навредит его другу. В этом отношении действия Элгарта были совершенно не похожи на действия магистра Марроу. Ведь судя по всему, орден Великого бога Рияля был безопасным местом. Фактически, его наличие в Беллегере зависело от этого «судя по всему». Его пристанище было, вероятно, даже безопаснее, чем улицы Длани.

Чувствовала ли магистр Фасиль теургию в здании ордена? Свалила ли Элгарта нехарактерная для него сонливость? Да. Но он и на миг не предположил, что этот неожиданный сон был вызван магией. Это было невозможно. Все остальные посетители храма не спали. Ни один магистр в Беллегере или Амике не мог оказать влияние только на одного человека из толпы.

Пока он и Пильон шли, к Элгарту вернулась его невозмутимость, восстановилось равновесие между двумя противостоящими друг другу сторонами его характера.

* * *

Когда они достигли храма ордена Великого бога Рия, Элгарт постучал в дверь, но ответа не последовало. Хотя лампа над притолокой была зажжена, на его вежливый стук дверь отозвалась глухим эхом пустой комнаты. Сама она, наспех сбитая из досок, как и остальная часть здания, задрезжала в раме: знак того, как решил Элгарт, что она не заперта. Возможно, она никогда не была заперта. Что могли защищать или скрывать жрецы, служившие великому богу?

Поманив бровями магистра Пильона — Элгарт надеялся этим обещанием чего-то интересного успокоить друга, — он растворил дверь и вошел с улицы, освещенной послеполуденным солнцем, во мрак святилища.

В зале действительно было пусто, но не совсем темно. Когда заклинатель затворил за собой дверь, Элгарт еще мог разглядеть ряды скамей для молящихся и высокий помост в конце зала. На стенах у двери горели несколько ламп. В их тусклом свете